

БОИ РУССКОГО НАРОДНОГО ОПОЛЧЕНИЯ С ПОЛЬСКИМИ
ИНТЕРВЕНТАМИ 22—24 АВГУСТА 1612 г. ПОД МОСКВОЙ

I

Разгром русским народным ополчением армии литовского великого гетмана Карла Ходкевича в подмосковных боях 22—24 августа 1612 г. представляет собой главный боевой подвиг героической рати Минина и Пожарского. Польский историк XVII в. Кобержицкий основную причину неудачи интервенционистских замыслов Речи Посполитой связывает именно с печальным для польских панов исходом августовского сражения. «Поляки,— пишет Кобержицкий,— понесли такую значительную потерю, что ее ничем уже нельзя было вознаградить. Колесо фортуны повернулось — надежда завладеть целым Московским государством рушилась невозвратно». ¹ Русский писатель, современник польско-литовской интервенции, Катырев-Ростовский с своей стороны отметил победу над Ходкевичем как своего рода переломный момент: «Наутрии же гетман и начальный воевода Полского народу, пан Хоткеевич... поидоша вспять... Плачутся во граде поляцы всех своих падений, и ниоткуда надежею уповаху». ²

Несмотря на то, что основные эпизоды данного события уже давно известны исторической литературе, мы до сих пор не имеем ни одного точного и более или менее исчерпывающего описания знаменитого сражения. Такие вопросы, как соотношение сил русских и интервентов, сравнительная оценка руководства боевыми операциями, наконец, главные причины, определившие результат столкновения, не только не разрешены, но, можно сказать, не поставлены еще исторической наукой. Настоящая статья не претендует на то, чтобы дать по всем этим вопросам окончательные ответы. Ее автор ставил своей задачей сделать сводку источников, посвященных интересующему его событию, и затем, воспроизведя на основе их критического анализа главные моменты боев, попытаться уяснить их закономерность. Эту закономерность часто не могли, а иногда не хотели правильно изложить писатели-современники. Польские авторы, заинтересованные в том, чтобы оправдать своих соотечественников, потерпевших поражение, объясняли неудачу интервентов якобы огромным численным перевесом русских или ошибками отдельных военачальников. Наши русские авторы-современники, вдохновленные победой над врагом, в соответствии с их религиозным мировоззрением, видели в ней «перст божий» и помощь небесных сил вы-

¹ Кобержицкий. История Владислава, «Сын отечества», 1842, № 3, стр. 13.

² РИБ, т. XIII, изд. 2, СПб., 1909, стб. 702.

двигали в качестве главного момента, определившего победу «православных» над «сыроядцами». «Многие ж люди хотяху битися,— читаем у одного из наиболее авторитетных писателей первой половины XVII в.,— начальники же их не пустиша за ров, глаголаху им, что не бывает на один день две радости, а то зделалось помощью божиею».³ Из позднейших историков, от которых мы, естественно, вправе ожидать более научного подхода к событиям, самое подробное описание битвы дал И. Е. Забелин.⁴ Страницы его книги «Минин и Пожарский» с их образными красочными характеристиками до сих пор производят на читателя сильное впечатление. Между тем, как это будет ясно из дальнейшего, Забелин многие эпизоды боев обрисовал неверно, а его попытка дать общий анализ столкновения не выдерживает критики. В основу своего изложения Забелин положил один из летописных текстов XVII в., причем не в старейшей, а в более поздней, сильно измененной редакции («Новый летописец» кн. Оболенского). Следуя своему источнику, он подчеркивает сравнительную слабость русских в августе 1612 г., даже безнадежность их положения и приписывает весь успех подвигу Козьмы Минина, действовавшего не от себя, а в силу «божьего изволения». «Однако большой надежды на успех не было ни в ком. Все крепко молились, полагаясь лишь на милость божию»,— вот как характеризует Забелин состояние русского войска перед самой победой. К сожалению, эта концепция принята и некоторыми советскими историками.⁵ И Савич с Ровинским и Подорожный делают ударение на неспособность русского войска одолеть врага и характеризуют выступление Минина как переломный момент, по сути дела единственную причину, принесшую разгром гетмана.

Из русских источников о битвах 22—24 августа 1612 г. на первое место приходится поставить официальное сообщение о победе, сделанное Пожарским и известное нам по грамоте ополченских начальников в Яренск 4 октября 1612 г.⁶ Здесь дана общая, в основном правильная схема сражения. Гораздо больше подробностей в «Новом летописце», составленном, как это доказал Платонов, во время патриаршества Филарета Романова в 30-х годах XVII в.⁷ Для нас особенно ценно то, что автор этого очень содержательного свода был очевидцем и, может быть, даже участником боев под Москвой.⁸ Однако нужно иметь в виду сравнительно плохую осведомленность его относительно тех эпизодов, которые разыгрывались на участке, где действовали полки Трубецкого, а также предвзято враждебное отношение к казачеству. Кроме того, автор «Нового летописца» особенно сильно проникнут религиозной идеологией. В этом отношении он выделялся даже среди писателей XVII в. Помимо основной редакции «Нового летописца», имеется еще другая редакция его, представленная списком Оболенского, являющаяся позднейшей литературной переработкой. Автор этой переработки кое-где делает попытку уточнить недомолвки первого варианта или усилить отдельные места. Так как он делает это только на основании логических домыслов и

³ «Новый летописец», ПСРЛ, т. XIV, стр. 126.

⁴ И. Е. Забелин. Минин и Пожарский. Прямые и кривые в Смутное время, изд. 3-е, М., 1896.

⁵ См. А. Савич и О. Ровинский. Разгром польской интервенции в XVII веке, [М.], 1938; Н. Подорожный. Минин и Пожарский, М., 1939.

⁶ ААЭ, т. II, № 213.

⁷ ПСРЛ, т. XIV, стр. 125—127; С. Ф. Платонов. Древнерусские сказания о Смутном времени XVII века, как исторический источник, СПб., 1913, стр. 338.

⁸ ПСРЛ, т. XIV, стр. 127.

собственного воображения, то ясно, что в случае разночтений необходимо предпочитать текст основного списка. К сожалению, историки далеко не всегда выполняют это требование.

Подробные сведения о боях под Москвой, имеющиеся в «Сказании» келаря Троице-Сергиева монастыря Авраамия Палицына,⁹ уже давно в специальных работах подверглись строгому критическому разбору. Установлено, что в своем труде Авраамий стремился прежде всего оправдать свои собственные действия. Однако мы не можем из-за этого сбрасывать со счета показания честолюбивого «мниха». Авраамий все же был очевидцем событий, он мог подметить и подмечал такие факты, которые иногда ускользали от взгляда других современников.

Остальные сказания и хроники дают гораздо меньше. Картинное описание боя, доставляющее нам большое эстетическое удовольствие при чтении сочинений выдающегося писателя XVII в. кн. Катывева-Ростовского,¹⁰ лишено индивидуальных черт и имеет главным образом литературный интерес. К подробностям, сообщаемым такими заведомо поздними, часто компилятивными памятниками, как книга о чудесах преподобного Сергия — С. Азарьина,¹¹ Филаретова рукопись,¹² наконец, дополнительные статьи к Хронографу кн. Оболенского,¹³ следует относиться с чрезвычайной осторожностью. Очень скупы разрядные записи. К сожалению, весьма лаконичен, хотя по обыкновению остроумен и точен, Болтин.¹⁴ Сравнительно немного дают мемуары архиепископа Арсения,¹⁵ грека по происхождению, но состоявшего на русской службе и находившегося в момент боев 22—24 августа в Кремле вместе с интервентами и боярами. Очевидно, до него доходили только неясные отзвуки сражения. Интереснее записки московского «сидельца», киевского мещанина Божки Балыки.¹⁶ Этот купец, приехавший с целями наживы в покоренную поляками Москву и попавший в жестокую осаду, подобно Арсению, путает хронологию и не имеет вполне ясного представления о сражении. Однако он оказался неплохим наблюдателем, и целый ряд сообщаемых им подробностей представляет большой интерес. Подробное и систематическое изложение хода битвы имеется в «Дневнике событий, относящихся к Смутному времени (1603—1613), известном под именем истории ложного Дмитрия».¹⁷ В авторе этого дневника вполне обоснованно видят мозырского хорунжего Будилу, одного из командиров польско-литовского гарнизона, запертого в Кремле. Несмотря на то, что дневник дает весьма стройную картину событий, к нему приходится относиться с большой осторожностью. Он вдвойне тенденциозен. Будило ставит своей задачей оправдать, во-первых, общий неудачный для поляков исход боя и, во-вторых, слабую активность кремлевского гарнизона, которую в Польше считали главной причиной поражения гетмана Ход-

⁹ РИБ, т. XIII, стб. 1215—1225.

¹⁰ Там же, стб. 614 и 701.

¹¹ «Памятники древней письменности и искусства», вып. 70, СПб., 1888.

¹² Рукопись патриарха Филарета, М., 1837.

¹³ «Архив историко-юридических сведений, относящихся до России» Н. Калачева, кн. 1, М., 1850.

¹⁴ «Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции», под ред. А. Н. Попова, М., 1869; Разряды, изданы С. А. Белокуровым в «Чт. ОИДР», 1907, кн. 2 и 3.

¹⁵ А. А. Дмитриевский. Архиепископ Елассонский Арсений и мемуары его из русской истории по рукописи трапезундского Сумалийского монастыря, Киев, 1899.

¹⁶ «Киевская старина», 1882, т. III.

¹⁷ РИБ, т. I, стб. 318—324.

кевича. Не лишнее интереса описание битвы дают также польские историки XVII в. — бискуп Перемышльский Павел Пясецкий¹⁸ и Кобержицкий.¹⁹ Их изложение очень сходно. Можно предполагать, что Кобержицкий заимствовал данные у Пясецкого, более подробный рассказ которого был опубликован раньше. В заключение необходимо отметить исключительные по ценности данные, встречающиеся изредка в актовом материале начальных лет царствования Михаила Романова.²⁰

II

Одним из существенных недостатков всех названных источников является то, что ни один из них не дает точных сведений о численности русской и польской армий, принимавших участие в сражении. Вследствие этого приходится прибегать к такому не всегда надежному приему, как привлечение различного рода косвенных доказательств и соображений. Из довольно правдоподобного известия пана Будилы мы знаем о численности передовых частей армии кн. Пожарского (отрядов Д. П. Лопаты-Пожарского и М. С. Дмитриева). Есть основания утверждать, что авангард составлял значительную часть всего войска. Во-первых, линия его фронта по длине очень немногим уступала линии фронта главных сил Пожарского (по черте Белого города от Петровских до Никитских ворот — авангард и от Никитских ворот до Чертольских (Кропоткинских) — главные силы).²¹ Во-вторых, «Новый летописец» употребляет в отношении каждого из этих отрядов выражение «многая рать». В-третьих, в одном из списков Хронографа 1617 г. воевода авангарда Д. П. Пожарский-Лопата назван командиром над «многими ратными людьми», точно так же, как таким же командиром «многими ратными людьми» названы и Пожарский с Мининым.²² Аналогичную терминологию находим у Авраамия Палицына.²³ Наконец, Б. Балыка особо выделяет кн. Дм. Лопатенку, забыв даже назвать имена других воевод.²⁴ Обе авангардные «многие рати», обложившие у «Белова града» Петровские, «Тверские врата и Микитцкие», состояли из 1100 всадников.²⁵

Подходя к Москве, ополченцы проявляли известную неуверенность, опасаясь, между прочим, казаков, остававшихся под Москвой с Д. Т. Трубецким. Это не могло бы иметь места, если бы их силы во много раз превосходили силы казаков Трубецкого. П. Г. Любомиров убедительно доказывает, что казаков могло быть около 2,5 тыс. чел.²⁶ Проходя через Переяславль по направлению к Москве, командиры ополчения принимали меры к тому, чтобы укрыть свои войска от представителей иностранного отряда, предлагавшего им свои услуги.²⁷ От этих услуг ополченцы отказались, сославшись на то, что ополчение обладает

достаточными силами. Однако похвастать, повидимому, было нечем. Если какая-то значительная часть армии состояла из 1100 человек, если все войско Пожарского опасалось 2500 казаков Трубецкого и воеводы не надеялись устрашить его видом иностранных наемников, то вряд ли общая численность ополчения превосходила 6—7 тыс. чел. Всего русских воинов могло быть от 8 до 10 тыс. чел.

Сидевший в осаде в Кремле и в Китай-городе отряд интервентов, насчитывавший около 3 тыс. чел.,²⁸ не являлся главным противником русского войска. Основным, самым сильным и страшным врагом была армия литовского гетмана Ходкевича, наступавшая на Москву по Смоленской дороге. Источники дают противоречивые сведения о ее численности. Польский дневник очень преуменьшает силы интервентов. Наоборот, архиепископ Арсений называет явно преувеличенную цифру в 40 тыс. чел.²⁹ Н. И. Костомаров собрал довольно много сведений о составе войска Ходкевича. Согласно его источникам, здесь было 8 тыс. украинских казаков, затем 1400 бойцов в трех отдельных отрядах, еще два отряда (один в 15 хоругвей, другой в несколько сот человек) и, наконец, дружина самого Ходкевича, которая, по данным конца 1611 г., состояла из 2 тыс. чел.³⁰ П. Г. Любомиров, рассматривая известия относительно армии литовского гетмана, предположительно останавливается на цифре в 12 тыс. чел.³¹ Эту цифру нельзя считать преувеличенной. Общая численность интервентов равнялась приблизительно 15 тыс. чел. и превосходила русскую армию.

Наш вывод несколько расходится с мнением П. Г. Любомирова, который считал силы русских и поляков приблизительно равными.³² В дополнение к изложенным уже соображениям укажем еще на некоторые источники, подтверждающие нашу точку зрения. Авраамий Палицын, рассказывая о нападении на острожек у церкви св. Климента 24 августа 1612 г., пишет про казаков: «мало бе их числом». Особо убедительно звучат слова официального извещения Пожарского о том, что интервенты наступали, «надеясь на множество людей», т. е. намеревались подавить русских своей численностью. Наконец, напомним слова «Нового летописца», правда, поздней редакции, сказанные применительно к борьбе ополчения против поляков: «яко малыми людьми бог поразити может множество сильных».³³

Как русская, так и польская армии были довольно пестрыми по составу. В отношении состояния вооружения интервенты, повидимому, обладали некоторыми преимуществами. Самую парадную, хотя и не лучшую, часть армии Ходкевича составляли конные шляхетские роты Млоцкого, кн. Корецкого и, вероятно, самого гетмана. У польско-литовских рыцарей было богатое вооружение: специфические польские чешуйчатые доспехи, длинные шпаги (кончары), сабли, копья, пистолы и ружья. Именно к этим людям могло относиться картинное описание польского войска, данное автором Филаретовой рукописи: «Все выехаша окованы збруями, яко вода колебашеся и шеломы на глав их... яко пре-

¹⁸ Смутное время и московско-польская война, «Памятники древней письменности и искусства», вып. 68, СПб., 1887.

¹⁹ «Сын отечества», 1842, № 3.

²⁰ «Четвертки Смутного времени», «Чт. ОИДР», 1912, кн. II; «Первые месяцы царствования Михаила Федоровича» — там же, 1915, кн. IV.

²¹ РИБ, т. I, стб. 316—318.

²² ПСРЛ, т. XIV, стр. 122.

²³ П. Г. Любомиров. Очерк истории нижегородского ополчения, М., 1939, стр. 312.

²⁴ РИБ, т. XIII, стб. 1212.

²⁵ «Действия Нижегородской ученой архивной комиссии», т. XI, стр. 492.

²⁶ РИБ, т. I, стб. 316—317.

²⁷ П. Г. Любомиров. Указ. соч., стр. 150.

²⁸ Там же, стр. 149.

²⁹ Там же, стр. 96.

³⁰ А. А. Дмитриевский. Указ. соч., стр. 158.

³¹ Н. И. Костомаров. Смутное время Московского государства в начале XVII в., Собр. соч., кн. 2, СПб., 1904, стр. 608.

³² П. Г. Любомиров. Указ. соч., стр. 118.

³³ Там же, стр. 150.

³⁴ РИБ, т. XIII, стб. 1218.

³⁵ ААЭ, т. II, № 213.

³⁶ «Новый летописец», с предисл. кн. М. А. Оболенского, «Врем. Об-ва ист. и др. рос.», кн. 17, 1853, стр. 146.

красная заря светящаяся, блистание сабель их яко молния, ино и копей их вознятия, яко великий лес дубравный, вкупе ж... и смотрети страшно». ³⁷ Пехота состояла из немецких, венгерских, может быть, частично польских профессионалов-солдат, ландскнехтов. Она действовала сомкнутым европейским строем, пуская в ход ружья и длинные копья. Всея пехоты у Ходкевича было сравнительно немного — полторы тысячи: ³⁸ 800 чел. у Невяровского, 400 чел. у Граевского (все венгры), ³⁹ 100 чел. — у кн. Корецкого, остальные (ливонские немцы) ⁴⁰ — у самого гетмана. Однако в ходе боя ей предназначалась весьма важная роль. Численно наиболее мощную часть армии интервентов составляла украинская казачья кавалерия. Ее вооружение было довольно пестрым. Наряду с людьми, имевшими огнестрельное оружие, здесь можно предполагать немалое число лучников.

В составе русской армии более или менее точному учету поддается только казачество. Считая казачьи сотни, находившиеся в армии Пожарского, можно определить численность русских казаков цифрой около 4 тыс. чел. ⁴¹ Среди них были и пешие (повидимому, большинство) и конные. Огнестрельное оружие имели почти все казаки, и «огненный бой» являлся для них главным средством поражения противника. Значительно меньше было стрельцов. Их количество, повидимому, не превышало 1 тыс. чел. ⁴² Стрельцы имели сабли, бердыши и пищали. Остальная половина войска состояла из дворян и крестьянско-посадского ополчения. Среди дворян выделялся отряд смолян, дорогобужан и вязьмичей. Они были вооружены саблями и огнестрельным оружием — пищалями, вероятно, также карабинами и пистолетами. Жившие в пограничной полосе западные помещики имели постоянные столкновения со своими соседями и большой опыт борьбы с польско-литовскими людьми. Это отметил автор одной из хроник: «А смолян поляки и литвы грубы искони вечные неприятели, что жили с ними поблизку и бои с ними бывали частые и литву на боех побивали». ⁴³ Помещики южных уездов не имели ни пищалей, ни пистолетов, а выезжали в поход «в саадаках» (с луками и стрелами) и с саблями. ⁴⁴ Стрельба из луков имела широкое применение в ходе августовской битвы. Вряд ли случайно то, что Катыврев-Ростовский, описывая наступление дворянских полков Пожарского на поляков, пишет: «Свищут стрелы по аеру, сокрушаютца копия, падают трупия мертвых семо и овамо». ⁴⁵ Переходя к изображению казачьих войск, Катыврев-Ростовский подчеркивает уже действие огнестрельного оружия: «Бысть гром велий от стреляния пищального, и молния яко с небес блистая». ⁴⁶

Вооружение ратников крестьян и посадских (количество их установить невозможно) было, надо думать, очень пестрым. Тут могли быть и

луки, и пищали, и бердыши, и рогатины. По документам, относящимся к несколько более раннему времени (1611 г.), известно, что у русских имелись недлинные копья немецкого пешего строя. Этот вид оружия впервые начал тогда употребляться в Московском государстве. В апреле 1611 г. такие копья «на долгие торчи» в большом количестве изготовлялись в Ярославле, и ими было снабжено первое ополчение. ⁴⁷ Был у русских и наряд (артиллерия). Количество пушек неизвестно, но оно не могло быть значительным. ⁴⁸ Доспехи были только у немногих дворян. Большая часть дворян имела только тегиля и куяки или выступала вовсе без доспехов. Ни стрельцы, ни казаки не имели доспехов. Если нижегородские ополченцы были сравнительно хорошо снабжены одеждой и всяким иным довольствием («богати пришли из Ярославля»), ⁴⁹ то казаки, наоборот, очень страдали от недостатка одежды и обуви. «Ови убо боси, инни же нази», ⁵⁰ — пишет о них Авраамий Палицын. Эту мысль варьирует автор Филаретовой рукописи, дополняя ее рядом реалистических подробностей: «Мнози ж от казатцкову чину и всякие черные люди не имущи через реку перевозов, и снимающе с себя платья и в единых срачицах и без порток, токмо едину пищаль да пороховницу у себя имущи». ⁵¹ В целом русская армия, несмотря на наличие значительной дворянской прослойки, выглядела далеко не столь нарядно, как польская, и производила впечатление собрания простонародья. Недаром пан Будило писал Пожарскому: «Лучше ты, Пожарский, отпусти к сохам своих людей». ⁵²

Переходим к характеристике командного состава обеих армий. Русским должно было очень вредить отсутствие единства командования и взаимное недоверие казацких и дворянских частей. «Новый летописец» подчеркивает, что воеводы обоих полков до начала битвы не успели договориться. ⁵³ Во главе остатков первого ополчения (около 2,5 тыс. чел.) стоял тушинский боярин кн. Д. Т. Трубецкой. Это был крайне тщеславный, упрямый и в то же время ничтожный человек. О его военных способностях мы ничего не знаем. Авторитетом у подчиненных он не пользовался. Забелин высказал предположение о прямой измене Трубецкого. Это вряд ли верно, однако и пользы для дела от него нельзя было ожидать. Кн. Д. М. Пожарский, главный воевода нижегородского ополчения, известен нам прежде всего как высокоидейный, честный патриот. Кроме этого, за ним уже должна была установиться репутация храброго, опытного и распорядительного командира. ⁵⁴ Своими бесспорными военными способностями, личным мужеством и силой воли Пожарский резко выделялся на общем довольно сером фоне верхушки русского служилого класса. Недаром польские послы говорили, что Пожарского считали «в больших богатырях», ⁵⁵ а один из официальных актов мотивирует его избрание главным воеводой ополчения — разумом, правдой, дородством и храбростью. ⁵⁶ Некоторое опасение могло вызывать только то, что до избрания полководцем земской

³⁷ «Действия Нижегородской губернской ученой архивной комиссии», т. XI, стр. 409.

³⁸ РИБ, т. I, стб. 318.

³⁹ Там же, стб. 428.

⁴⁰ «Записки гетмана Жолкевского о Московской войне», СПб., 1871, стр. 126.

⁴¹ К 2½ тыс. казаков Трубецкого надо прибавить около 1½ тыс., которые могли быть у Пожарского в 17 станицах. См. СГГид, ч. II, стр. 595.

⁴² П. Г. Любомиров. Указ. соч., стр. 118.

⁴³ «Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции», стр. 353.

⁴⁴ С. К. Богоявленский. Вооружение русских войск в XVI—XVII вв., «Исторические записки», т. IV, стр. 259—267.

⁴⁵ РИБ, т. XIII, стб. 614.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ ААЭ, т. II, № 188/II; АЗР, т. IV, стр. 493.

⁴⁸ П. Г. Любомиров. Указ. соч., стр. 118.

⁴⁹ ПСРЛ, т. XIV, стр. 124.

⁵⁰ РИБ, т. XIII, стб. 1222.

⁵¹ «Действия Нижегородской губернской ученой архивной комиссии», т. XI, стр. 409.

⁵² РИБ, т. I, стб. 337.

⁵³ ПСРЛ, т. XIV, стр. 123.

⁵⁴ И. Е. Забелин. Указ. соч., стр. 48—61.

⁵⁵ АЗР, т. IV, стр. 494.

⁵⁶ СГГид, ч. II, стр. 606.

рати Пожарский еще ни разу не имел случая руководить военными действиями такого крупного масштаба.

Правой рукой Пожарского был «выборный человек всею землею», великий сын русского народа Козьма Минин. Вопреки распространенному мнению, следует подчеркнуть, что Минин имел непосредственное отношение к руководству военными операциями. Его выбрали «владети и промышляти ратным делом»,⁵⁷ «Московского государства достигать». Несмотря на то, что Минин «бывал человек служивой», полководческого опыта у него не имелось, и казалось, что большой роли в ходе битвы он сыграть не сможет. Недоверчивое и даже презрительное отношение к Минину со стороны кастовой, военной аристократии проскальзывает в словах, которые позднейшая легенда вложила в уста бездарного боярина Трубецкого: «Уже мужик нашу честь хочет взять на себя, а наша служба и радение ни во что будет».⁵⁸

Кн. Пожарский не считался родовитым человеком. О его предках говорили, что они «в государских чинах и в розрядах кроме городничества и городовых приказчиков нигде не бывали, а вашею царскою милостью с нами (родословной знатю.— Г. Б.) нигде не смешивались».⁵⁹ «Худородность» большого воеводы и «мужицкое» происхождение его главного заместителя при господствовавшей в то время кастово-аристократической идеологии служивых людей могли очень осложнить выбор второстепенных воевод. Конечно, патриотический подъем широких народных масс должен был сковывать местнические притязания «владущих». В разрядных записях начала XVII в. нам встретилось даже указание на формальный акт, временно отменявший местничество: «Приговорили, что быти у всяких дел без мест, покамест бог очистит от поляков Московское государство».⁶⁰ Но все же характерно, что наиболее знатные участники движения, некоторые из которых обладали также значительным опытом и способностями (кн. Д. М. Черкасский, В. И. Бутурлин, Мирон Вельяминов), не числятся среди воевод, подчиненных Минину и Пожарскому. Вторым заместителем Пожарского был дворянин московский Иван Большой Андреевич Хованский.⁶¹ Кроме совместной верной службы Шуйскому, его связывало с Пожарским также близкое свойство (брат Хованского был женат на сестре Пожарского). Своей родовитостью Хованский, безусловно, превосходил главного воеводу. Он имел уже значительный боевой опыт,⁶² но о его военных способностях мы не имеем никаких сведений. Воеводы, командовавшие самостоятельными отрядами,— кн. Д. П. Лопата-Пожарский, кн. В. И. Туренин и М. С. Дмитриев обладали очень неяркими послужными списками. Первый из них до своего участия в нижегородском ополчении ни разу еще не был воеводой. Своим выдвижением он обязан был, вероятно, исключительно родству с Д. М. Пожарским. Самый знатный из троих — Туренин известен только в качестве придворного Василия Шуйского. Престарелый Дмитриев был старый служака, помнивший еще Ивана Грозного. Несмотря на свой преклонный возраст,

⁵⁷ «Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции», стр. 353.

⁵⁸ «Архив историко-юридических сведений, относящихся до России» Н. Калачева, кн. I, стр. 36.

⁵⁹ С. А. Белокуров. Разрядные записи за Смутное время, «Чт. ОИДР», 1907, кн. II, стр. 33.

⁶⁰ Там же, кн. III, стр. 166.

⁶¹ ПСРЛ, т. XIV, стр. 122.

⁶² С. А. Белокуров. Разрядные записи... (по Указателю).

он отличался боевым духом и позднее, во время царствования Михаила Романова, участвовал в битвах и погиб в бою «с литовскими людьми». К группе командиров следует отнести еще помощника Дмитриева арзамасского дворянина Ф. Левашова,⁶³ известного своей активной борьбой с тушинцами в нижегородском районе, и литовского перебежчика ротмистра Павла Хмелевского, личного врага одного из польских начальников — пана Руцкого, очень предприимчивого и смелого, но крайне неуравновешенного человека авантюрной складки.⁶⁴

В противоположность вождям русской армии, ни один из которых в прошлом не руководил военными действиями более или менее крупного масштаба, предводитель интервентов Ян Карл Ходкевич к 1612 г. уже успел завоевать известность эффектным разгромом армии шведского короля Карла IX при Кирхгольме и целым рядом других побед. Ходкевич усовершенствовал боевую выучку, служа в испанской армии и завязав знакомство с крупными военными авторитетами тогдашней Европы. С 1605 г. Ходкевич занимал высшую военную должность — гетмана великого княжества Литовского. Под начальством Ходкевича находились паны Млоцкий, Невяровский, Граевский, Корецкий, Величинский, казаки Зборовский и Наливайко. Пана Млоцкого, который долгое время служил Тушинскому вору, русские били несколько раз.⁶⁵ Корецкий пользовался репутацией весьма нехраброго человека.⁶⁶ Только Зборовский заслужил отзыв «деятельного казака».⁶⁷ Во главе польского гарнизона, осажденного в Кремле и Китай-городе, стояли: староста Хмельницкий Струсь, фигура довольно бледная, и сапезинец мозырский хорунжий Будило. Все эти паны уже имели немалый военный опыт, много бились, в частности с русскими, но не выделялись особыми способностями. Необходимо отметить, что Ходкевич находил средства как-то сноситься с Струсем, и гарнизон пытался согласовывать свои действия с планами литовского великого гетмана. В целом командный состав интервентов был значительно опытнее воевод русской рати. На стороне врага были также некоторый численный перевес и преимущество в отношении вооружения. Однако превосходство гетмана не было абсолютным, и исхода боя никто не мог предвидеть. Огромное значение мог иметь выбор того или иного тактического приема. Кроме того, нельзя было не учитывать чрезвычайно важный на войне фактор — моральное состояние войска.

В этом отношении русские обладали безусловным, решительным перевесом. Военные действия поляков носили определенно выраженный захватнический, интервенционистский характер. Ходкевич и другие полководцы, а также польская шляхта сражались для порабощения русского народа и овладения Московским государством, наемники больше всего интересовались военной добычей, грабежом. Часто это были закаленные в битвах опытные воины, от которых можно было ожидать стойкости и бесстрашия профессионала-солдата; но эти качества быстро сменялись трусостью, как только исчезала надежда на близкую и легкую добычу. Есть все основания предполагать, что интервенты, готовясь к решающему сражению, не очень рвались в бой. Да и трудно было надеяться на большую добычу в сожженной и разграбленной

⁶³ П. Г. Любомиров. Указ. соч., стр. 291, 295, 278, 284.

⁶⁴ С. В. Бахрушин. Павел Хмелевский. Сб. статей по русской истории, посвященный С. Ф. Платонову, П., 1922, стр. 284—285.

⁶⁵ РИБ, т. I, стб. 164 и др.

⁶⁶ «Записки гетмана Жолкевского о Московской войне», стр. 274.

⁶⁷ «Сказания современников о Дмитрие Самозванце», т. II, СПб., 1859, стр. 26.

Москве. Участники похода Ходкевича уже имели дело с русским народом, знали его ненависть к захватчикам и предвидели отчаянное сопротивление. Дневник Маскевича и записки Б. Балыки дают ряд ярких штрихов, передающих настроения народных масс в местности, лежавшей между польско-литовским рубежом и Москвой, т. е. в том самом краю, откуда шел гетман. Здесь действовали отряды русских партизан, опиравшихся на сочувствие всего населения. Пан Маскевич, рассказывая об эпизоде с крестьянином-проводником, едва не отдавшим отряд поляков в руки русской заставы, заканчивает свой рассказ такими словами: «Проводнику отсекли голову; но страха нашего никто не вознаграждает». ⁶⁸ Подобные настроения, несомненно, разделяли в то время многие интервенты.

Нагонявшие страх на интервентов многочисленные факты проявления воли русского народа к борьбе с врагами родины, аналогичные рассказанному Маскевичем случаю с проводником, должны были вселять бодрость, уверенность и храбрость в сердца русских бойцов. Ополченцы и казаки чувствовали поддержку всей страны. Им были обеспечены сочувствие и прямая помощь гражданского населения. Для русских война приобретала значение высокого подвига — избавить родину от насилий, проругания и пленения «нечестивых польских и литовских людей». Еще в момент образования первого ополчения русские приносили присягу «стояти под Москвою и страдати всё... и битись до смерти». ⁶⁹ Незадолго до августовских боев казаки и дворяне подмосковных полков Трубецкого вторично клялись «против врагов наших польских и литовских людей стояти». ⁷⁰ Тогда же ополченцы Минина и Пожарского «обещевахуся все, что помереть за дом православную христианскую веру». ⁷¹ Историческая литература уже отметила и изучила трения, имевшие место между казаками Трубецкого и ополченцами Пожарского. Эти трения создавали некоторое беспокойство в русской армии. Тем не менее настроение бойцов было боевым, даже радостным. Автор «Нового летописца» отмечает это, считая психологическое состояние войска в момент перед битвой благоприятной приметой. Он пишет, что как только ополчение Минина и Пожарского отошло от Троицкой лавры, в спины бойцов начал дуть сильный попутный ветер. Всадники едва держались на лошадях. «И отложиша страх все ратные люди и охрабришася, идяху к Москве все радуящиеся». ⁷²

III

К началу сражения подоспевшая накануне армия Пожарского едва успела укрепить свои позиции. Сильная сторона последних заключалась в том, что они прилегали к каменным стенам Белого города и располагались по валу, который господствовал над местностью. Левый фланг Пожарского под начальством кн. Туренина непосредственно примыкал к Москва-реке у Чертольских (Кропоткинских) ворот и Алексеевской башни. Правый фланг составлял отряд Дмитриева и Левашова (400 чел.), стоявший у Петровских ворот. Между ними были расположены: отряд Лопаты-Пожарского (700 чел.) у Тверских ворот, украинские помещики — у Никитских ворот и главные силы под командой

⁶⁸ «Сказания современников о Дмитрии Самозванце», т. II, стр. 88.

⁶⁹ СГГД, ч. II, стр. 536.

⁷⁰ Там же, стр. 597.

⁷¹ ПСРЛ, т. XIV, стр. 124.

⁷² Там же.

Пожарского, Минина и Хованского — у Арбатских ворот. Пожарский распорядился соорудить тут укрепленный городок, окопать его земляными валами и разместить стрельцов с «огненным боем». Возможно, что часть русских находилась на самых стенах Белого города и в Алексеевской башне. Казаки и дворяне Трубецкого, таборы которых располагались у Яузских ворот и на Воронцовом поле, должны были защищать Замоскворечье. ⁷³ Здесь они имели два укрепленных городка: на Большой Ордынке, около церкви св. Климента и недалеко от Замоскворецкого моста, у церкви св. Георгия в Яндове. Перед битвой Трубецкой попросил у Пожарского пять сотен кавалерии, которые должны были в случае необходимости ударить интервентам во фланг. Русское командование благодаря неплохо организованной разведке знало, что гетман собирался развертывать наступление, идя прямо по тогдашней Смоленской дороге от Новодевичьего монастыря. Необходимо отметить исключительную смелость и решительность Пожарского, поставившего свой лагерь как раз на дороге интервентов. Это означает, что Пожарский решил биться до конца, делая ставку с самого начала на победу. Действительно, гетман получал возможность пробиться в Кремль только в случае, если бы ему удалось уничтожить главные силы Пожарского. Наоборот, сохранение главных сил Пожарского означало бы победу русских, так как гетман не был бы пропущен в город.

Ранним утром 22 августа армия Ходкевича начала наступление от Новодевичьего монастыря на ополченцев Пожарского и Минина. Источники разногласят относительно места, где произошла первая встреча между поляками и русскими. «Новый летописец» определенно указывает на Чертольские ворота. ⁷⁴ Авраамий Палицын пишет, что сражение началось гораздо западнее — около Новодевичьего монастыря. ⁷⁵ Наконец, у Болтина читаем, что гетман «хотел силою большею войти в город в Арбатские и в Черторские ворота» и что русские встретили его «за деревянным городом». ⁷⁶ Самым точным является последнее известие. Гетман наступал от Новодевичьего монастыря широким фронтом, русские вышли ему навстречу, и битва началась где-то вне пределов Скородома.

Первая половина битвы 22 августа описана у Забелина следующим образом. Гетман наступал жестоко одной конницей. Русские кавалеристы, неизмеримо менее опытные и искусные, чем поляки, венгры и запорожцы, решили слезть с лошадей и бились врукопашную. ⁷⁷ А. Савич и О. Ровинский в своей брошюре примерно так же рисуют первый этап сражения. Русские всадники, названные «доморощенными», противопоставляются искусным полякам. Картина рукопашного боя дополнена следующими живыми штрихами: «Нижегородцы стаскивали их (поляков) за ноги с коней и сцеплялись с ними врукопашную». ⁷⁸ Подобно И. Е. Забелину, современные авторы выдвигают два основных момента: 1) превосходство кавалерии интервентов; 2) переход, по русской инициативе, к примитивной рукопашной схватке. Оба подчеркнутые момента не вытекают из анализа источников и представляют собой измышление И. Е. Забелина.

⁷³ Там же, стр. 122 и 124; РИБ, т. I, стб. 316—318.

⁷⁴ ПСРЛ, т. XIV, стр. 124.

⁷⁵ РИБ, т. XIII, стб. 1216.

⁷⁶ «Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции», стр. 356.

⁷⁷ И. Е. Забелин. Указ. соч., стр. 100.

⁷⁸ А. Савич и О. Ровинский. Указ. соч., стр. 52.

Источники согласно устанавливают, что первым этапом битвы действительно явился конный бой, столкновение больших масс конницы. Автор «Нового летописца» пишет, что конный бой шел с первого по осьмой час дня. Затем наступил уже совершенно новый этап. Он так описывается в «Новом летописце»: «Етману же наступающу всеми людьми, князю же Дмитрею и всем воеводам, кои с ним пришли с ратными людьми, не могушу противу етмана стояти конными людьми и повеле всей рати сойти с коней». ⁷⁹ Вот это место и послужило Забелину основанием для его заключения относительно превосходства польской кавалерии над русской. Между тем дело обстояло совсем не так. В приведенном отрывке из «Нового летописца» сущность заключается в самой первой фразе — «етману же наступающу всеми людьми», т. е. Ходкевич ввел в дело новые отряды, которые до этого не участвовали в битве. Другие источники, не противоречащие «Новому летописцу» и в данном случае только дополняющие его, позволяют сделать заключение, что эти свежие отряды состояли из пехоты. «Но так как польская пехота, которой было 1500 человек, храбро помогала коннице, то конница тем смелее действовала. Наши сломили громадные силы русских», ⁸⁰ — пишет автор польского дневника, подчеркивая роль пехоты и уничтожая этим толкование Забелина. Еще определеннее свидетельство Авраамия Палицына: «И сперва литовские конные роты русских людей потеснили, потом же многими пешими людьми приходили на станы приступом». ⁸¹ Таким образом, после продолжительного конного боя, окончившегося, повидимому, с небольшим перевесом в сторону поляков, выступила польская пехота. Повидимому, наименее устойчивым оказалось левое крыло русских, притиснутое интервентами к берегу Москва-реки. На территории внутри деревянного города, изрытой укреплениями, русской кавалерии, естественно, пришлось спешиться, но не потому, что она была «доморощенная» или неопытная, а вследствие того, что, находясь на валах и в острожках, иначе нельзя было действовать.

В дальнейшем ходе боя И. Е. Забелин выдвигал момент рукопашной схватки, так как он буквально следовал «Новому летописцу» по списку кн. Оболенского, где сказано: «имая ся бо за руки сечахуся». ⁸² Но данный список представляет собой очень позднюю литературную переработку основной редакции «Нового летописца». В последней же это место звучит иначе: «едва руками не имались меж себя». ⁸³ Автор подчеркивает, что бой носил очень ожесточенный характер, но делать из этой фразы заключение о непосредственном переходе к рукопашной нельзя. «Новый летописец» опускает такую важную подробность, как неоднократные вылазки гарнизона Струся и Будилы и удары в тыл русским ополченцам. Из дневника Будилы видно, что участники вылазок ставили перед собой весьма важную задачу — отрезать часть русских от основных сил Пожарского и уничтожить их, прижав к Москва-реке. Поляки выходили из Кремля со стороны Чертольских ворот и Алексеевской башни. Однако затея осадных сидельцев закончилась полным крахом. Русские победили их, и они отступили, понеся огромные потери. «В то время несчастные осажденные понесли такой урон, как никогда», —

⁷⁹ ПСРЛ, т. XIV, стр. 124.

⁸⁰ РИБ, т. I, стб. 318—319.

⁸¹ РИБ, т. XIII, стб. 1216.

⁸² «Новый летописец», с пред. кн. М. А. Оболенского, «Врем. Об-ва ист. и др. рос.», кн. 17, 1853, стр. 155.

⁸³ ПСРЛ, т. XIV, стр. 124.

отмечает Будило. ⁸⁴ Другим местом вылазки, указанным Палицыным, являлись Водяные ворота, выходившие из Кремля непосредственно к Москва-реке. ⁸⁵ Поляки и здесь действовали крайне неудачно, хотя они обстреливали русских из пушек. ⁸⁶ Русские захватили у них знамена и многих побили. Воспоминания о кровопролитнейших сечах с поляками на самом берегу Москва-реки породили легендарное предание о племяннике Минина богатыре Еремкине, проявившем чудеса храбрости и погибшем от ран на Каменном мосту. ⁸⁷

Но если Струсь и Будило добросовестно, хотя и неудачно, помогали Ходкевичу, то русский воевода Трубецкой, командовавший остатками первого ополчения, вообще собирался принять на себя роль постороннего наблюдателя. Его поведение 22 августа 1612 г. известно нам по «Новому летописцу» и в основном правильно передается Забелиным и другими авторами. Во вторую половину дня, в момент упорного наступления Ходкевича, когда бой происходил около укреплений Пожарского у Чертольских и, может быть, также Арбатских ворот, несколько средних командиров со своими частями по собственной инициативе форсировали реку и явились на помощь ополченцам. Это были головы пяти конных сотен, отосланных Пожарским накануне боя в Замоскворечье, и четыре казачьих атамана со своими дружинами. ⁸⁸ Подоспевшие люди (около тысячи человек) оказали большую помощь Пожарскому. Однако необходимо учитывать, что положение русских ополченцев, опиравшихся на свои укрепления, далеко еще не было критическим. Поляков отогнали, и они ушли, понеся очень большие потери. Автор «Нового летописца» пишет, что на другое утро собрали больше тысячи вражеских трупов. ⁸⁹

Суммируя разобранные известия, можно сделать такое заключение. Битва началась где-то между деревянным городом и Новодевичьим монастырем, и сперва в ней участвовала одна только конница. Ходкевич пустил в ход пехоту и около двух часов дня повел наступление всеми своими людьми. Русские начали отступать, их левое крыло было прижато к берегу Москва-реки. Попытка Струся и Будилы отрезать эту часть от главных русских сил окончилась неудачей. Интервенты дошли до линии русских укреплений. Здесь они встретили чрезвычайно упорное сопротивление стрельцов и спешившихся конников. Положение русских улучшилось после прихода подмоги из Замоскворечья. Поляки были отброшены с большими потерями. Гетман, рассчитывавший «отженути Московское воинство от стен грацких» и убедившийся в мощности русских укреплений, не осмелился остаться на левом берегу Москва-реки, а спешно отвел свое войско за реку, на Поклонную гору. В ночь с 22 на 23 августа полякам удалось достигнуть некоторого успеха. 600 гайдуков из полка Невяровского через Замоскворечье прорвались в Кремль. Одновременно поляки захватили городок около церкви св. Георгия в Яндове и «опановали» самую церковь. ⁹⁰ Врагов провел в Кремль рус-

⁸⁴ РИБ, т. I, стб. 320.

⁸⁵ РИБ, т. XIII, стб. 1216.

⁸⁶ «Первые месяцы царствования Михаила Федоровича», «Чт. ОИДР», 1915, кн. IV, стр. 1.

⁸⁷ П. И. Мельников. Нижний Новгород и нижегородцы в Смутное время, «Отечественные записки», 1843, № 2, стр. 1—32.

⁸⁸ ПСРЛ, т. XIV, стр. 125. «Действия Нижегородской губернской ученой архивной комиссии», т. XI, стр. 492 (из записок Божка Бальки).

⁸⁹ ПСРЛ, т. XIV, стр. 125; РИБ, т. I, стб. 321.

⁹⁰ ПСРЛ, т. XIV, стр. 125; РИБ, т. XIII, стб. 1216; П. Пясецкий. Смутное время и московско-польская война, «Памятники древней письменности и искусства», вып. 68, СПб., 1887, стр. 51.

ский изменник дворянин Гр. Орлов, из корыстных соображений заинтересованный в поражении ополченцев и, в частности, в гибели Пожарского (интервенты подарили ему имение кн. Пожарского). 23 августа гетман занял Донской монастырь и готовился к новому наступлению, которое он назначил на следующий день. Очевидно, и русские готовились к решительной схватке.

IV

24 августа 1612 г. произошел главный, решительный бой. В рассказе целого ряда авторов⁹¹ события этого дня настолько заслоняют все предшествующие столкновения, что к ним одним сводится трехсуточная борьба Минина и Пожарского с Ходкевичем.

Расположение русских войск в начале битвы 24 августа подробно описывает автор «Нового летописца». Пожарский сдвинул свои главные силы на юг, к берегу Москва-реки, а сам перешел от Арбатских ворот в район церкви Ильи Обыденного (на Остоженке).⁹² Сюда же, повидимому, перешли и другие воеводы. Так, мы знаем, что вместе с Пожарским находился не только Козьма Минин, но и Д. П. Лопата-Пожарский, стоявший у Тверских ворот и передвинувшийся в ходе битвы 22 августа к Арбатским воротам.⁹³ Значительную часть своих людей Пожарский переправил на правый берег Москва-реки в Замоскворечье, которое на этот раз явилось главной ареной развернувшегося сражения. Замоскворечье было защищено значительно хуже, нежели местность на левом берегу Москва-реки. Передовую линию укреплений составляли рвы и валы Земляного города с остатками деревянной стены. За ними, посередине Большой Ордынки — главной магистрали Замоскворечья, ведущей от Серпуховских ворот к Кремлю, «на самой дорожке»⁹⁴ возвышался большой острог у церкви св. Климента. Другой острог, у церкви Георгия в Яндове, находился в руках интервентов. Вся местность была покрыта неровностями, буграми и ямами, частично представлявшими собой остатки сгоревших жилых построек, частично нарочно вырытыми русскими в целях затруднения продвижения противника.⁹⁵ По рву Земляного города были поставлены воеводы с ярославскими ополченцами. Здесь стояли стрельцы и казаки. Польский документ сообщает, что русские имели на валах две пушки.⁹⁶ Многие конные сотни со стороны Пожарского были выдвинуты вперед за Земляной вал, чтобы принять на себя первый удар гетмана. Трубецкой стоял в Замоскворечье у Лужников. Его казаки защищали Климентовский острожек, где у них было несколько пушек, и также стояли по рву Земляного города вместе с ратниками Пожарского. Часть своего войска Трубецкой также направил вперед, против наступавших поляков. Автор польского дневника дает понять, что моральное состояние интервентов перед битвой 24 августа было тяжелым. Успешные действия русских 22 августа показали полякам, что их шансы на победу невелики. Гетман принужден был напрягать все свои силы.

Н. И. Костомаров приводит данные расположения полков гетмана.левой стороной, которая двигалась против отрядов Пожарского, командовал сам Ходкевич. Здесь предполагалась самая упорная борьба. В середине, прямо по направлению к Серпуховским воротам, шла венгерская пехота Граевского, остатки полка Невяровского и запорожская конница под начальством Зборовского. Правое крыло составляли 4 тысячи украинских казаков с атаманом Шираем во главе.⁹⁷ Погода благоприятствовала русским. Сильный северный ветер дул прямо в лица интервентам. Они наступали «нагле зверообразным рвением». Их было «множество бесчисленно». Шли «жестоким обычаем, надеясь на множество людей».⁹⁸ Дворянские сотни нижегородского ополчения в течение пяти часов сдерживали натиск ливонской пехоты, польских рыцарей и запорожцев, непосредственно руководимых великим гетманом. Затем они не выдержали и начали отступать. Как польские, так и русские источники согласно подчеркивают, что это отступление носило весьма беспорядочный характер. Ополченцы «вдаша плещи»; прижатые к воде, они стали вплавь переправляться на свой берег Москва-реки, уступая Ходкевичу поле битвы. «Едва сам князь Дмитрий с полком своим стоял против их», — читаем в «Новом летописце».⁹⁹ Из этой фразы видно, что воевода в опасный момент покинул свой штаб у церкви Ильи Обыденного и принял непосредственное участие в битве. Очевидно, к этому моменту следует отнести распространившиеся слухи о ранении отважного полководца, которые отметил Б. Балыка.¹⁰⁰ Однако Пожарскому также не удалось остановить своих, и скоро все конники были уже на левом берегу Москва-реки. Сам Пожарский не вернулся к церкви Ильи Обыденного, а остановился где-то немного западнее. Среди ополченцев господствовало замешательство. «Люди были в великой ужаси», — пишет автор «Нового летописца».

Другая колонна интервентов между тем теснила авангардные части Трубецкого, оказывавшие, повидимому, меньшее сопротивление, чем ополченцы. Ходкевичу удалось смять нашу конницу и овладеть полем между Донским монастырем и Земляным городом. «Перво войско, которое по полям преблиским стояло, рассыпал», — характеризует успех гетмана польский историк.¹⁰¹ После этого Ходкевич двинул свои дружины на русскую пехоту, которая с двумя пушками стояла по валу полуразрушенного деревянного города. Пехотинцы гетмана и спешившиеся запорожцы сперва интенсивной ружейной стрельбой подготовили атаку, а затем с обнаженными саблями под обстрелом русской пехоты полезли на вал. Русские отступили. Интервенты рубили тех, которые задерживались.¹⁰² Захват укреплений Земляного вала представляет второй за этот день очень важный успех Ходкевича. Закрепив за собой отбитые у русских позиции и наполнив рвы своими людьми, гетман приказал ввести внутрь города обоз с продовольствием (400 возов),¹⁰³ который был расположен в начале Ордынки, около церкви св. Екатерины.

Наконец, третий и последний этап наступления заключался в про-

⁹¹ П. Пясецкий. Указ. соч.: «Записки Божка Балыки о Московской осаде 1612 г.», Киев, 1882; Повесть кн. И. М. Катырева-Ростовского.

⁹² ПСРЛ, т. XIV, стр. 125.

⁹³ «Четвертки Смутного времени», «Чт. ОИДР», 1912, кн. II, стр. 233.

⁹⁴ «Действия Нижегородской губернской ученой архивной комиссии», т. XI, стр. 492.

⁹⁵ П. Пясецкий. Указ. соч., стр. 51; РИБ, т. I, стб. 321.

⁹⁶ ПСРЛ, т. XIV, стр. 125; РИБ, т. XIII, стб. 1216; РИБ, т. I, стб. 322.

⁹⁷ Н. И. Костомаров. Указ. соч., стр. 609.

⁹⁸ ААЭ, т. II, № 213; РИБ, т. XIII, стб. 1217; ПСРЛ, т. XIV, стр. 124.

⁹⁹ ПСРЛ, т. XIV, стр. 125.

¹⁰⁰ «Действия Нижегородской губернской ученой архивной комиссии», т. XI, стр. 492.

¹⁰¹ П. Пясецкий. Указ. соч., стр. 51.

¹⁰² РИБ, т. I, стб. 322—323.

¹⁰³ П. Пясецкий. Указ. соч., стр. 51.

рыве венгров Граевского и запорожцев Зборовского от Серпуховских ворот в глубь Замоскворечья и захвате ими острожка на Ордынке. Интервенты «взяли этот городок и вырубил в нем русских». ¹⁰⁴

Подводя итоги первым этапам сражения 24 августа, надо констатировать, что литовский гетман разворачивал свое наступление весьма планомерно и энергично. В его действиях видна обдуманность и систематичность. Он лично руководил военными операциями. «Скачет по полком всюду, аки лев, рыкая на своих, повелевает крепце напрязати оружие свое», — пишет о нем современник. ¹⁰⁵

Однако гетману все же не удалось закрепить свой успех, и последний этап его наступления (захват Климентовского острожка) окончился неудачей. По поводу этого момента в исторической литературе господствует неправильная точка зрения, выдвинутая в свое время И. Е. Забелиным. Огульно отрицая все показания Авраамия Палицына, Забелин излагает дело таким образом. Казаки Трубецкого отступили и явно не желали больше сражаться. Ополченцы «онемели от ужаса и негодования». Они послали к казакам келаря Троице-Сергиевой лавры Авраамия Палицына, который пообещал отдать им всю монастырскую казну. «Склонившись на обещание казны, казаки поднялись и, согласившись с людьми Пожарского, двинулись против гетмана вместе с обеих сторон. Первым делом был взят острожек Климентовский... Потом пешие засели по рвам, ямам и крапивам, где только можно было попрятаться, чтоб не пропустить в город польских запасов. Однако большой надежды на успех не было ни в ком». ¹⁰⁶ А. Савич и О. Ровинский дают тот же ход событий, явно умаляя значение климентовской битвы («казакам удалось только отбить Климентовский острог»). ¹⁰⁷

Вопреки укоренившейся в нашей исторической литературе традиции, надо сказать, что наиболее правильную картину боев на Ордынке дал Авраамий Палицын. (Конечно, надо отбросить его елейно-церковное освещение событий). Поляки, пишет Палицын, наступая с двух сторон — от Серпуховских ворот и от Кремля, захватили Климентовский городок, укрепились там, ввезли туда возы с запасом и водрузили знамя на церкви св. Климента. Тогда «казаки убо, которые от Климента святого из острошка выбегли, и озревшеся на острог святого Климента, видеша на церкви литовские знамена и запасов много, во острог вшедших, зело умилишася и воздохнувшю и прослезившеся к богу, — мало бе их числом, — и тако возвращеся и устремишася единодушно ко острогу приступили, и взявше его, литовских людей всех острию меча предаша и запасы их поимаша. Прочие же литовские люди устрашишася зело и вспять возвратишася: овни во град Москву, инии же к гетману своему; казаки же гоняще и побивающе их яко и самим им удивляющимся силе божии». Несколько ниже Палицын пишет, что и он сам, проходя по Замоскворечью, видел у церкви св. Климента «литовских людей множество погибших и казаков со оружием стоящих». ¹⁰⁸

Другая версия, изложенная в «Новом летописце» и воспринятая нашей литературой, предполагает гораздо более длительный срок пребывания острожка в руках поляков, отодвигает контр наступление казаков до времени прибытия Авраамия Палицына в Замоскворечье и выдвигает корысть в качестве единственного мотива, побуждавшего рус-

ских казаков к действию. ¹⁰⁹ С чисто фактической стороны большое значение имеют указания Палицына на участие в деле интервентов, вышедших со стороны Кремля, а также на проникновение поляков в самую церковь св. Климента. Обе эти подробности вполне подтверждаются другими источниками. Принципиально очень важно подчеркнуть, что казаки устремились обратно на выручку Климентовского острожка и церкви до начала агитации Палицына. За это прежде всего говорят воспроизведенные самим Палицыным непосредственные впечатления очевидца, опорочивать которые нет никаких оснований. Палицын сам видел острожек после победы казаков, видел трупы интервентов, беседовал с победителями. Историческая литература часто и справедливо обвиняла Палицына в стремлении к самовосхвалению. Однако в данном случае он нисколько не выдвигает себя на первое место. Наоборот, версия «Нового летописца» была бы для него выгоднее, так как по ней подвиг отбития Климентовского острожка изображен как результат агитации ловкого келаря.

Надо сказать, что и польский дневник ближе к показаниям Палицына. Возвращение острожка в руки русских представлено здесь как дело, непосредственно следующее за взятием его поляками: «...наши взяли этот городок и вырубил в нем русских; но так как они отошли от него, не оставив в нем людей для защиты, то русские, как только это увидели, сейчас же пришли и заняли его своими людьми». ¹¹⁰ Указание польского дневника на то, что обратный переход острожка к русским произошел без боя, абсолютно ложно. Оно противоречит не только согласным в данном случае русским источникам, но также запискам Б. Балыки, который подчеркивает также роль польских осадных сидельцев, вышедших из Москвы на помощь своим. «...А Москва, — пишет Б. Балыка, — заперлася у церкви святого Климента и в острожку на самой дорожке, и наши их там достали и килка делец (пушек) отняли и была там битва вельми великая от утра до вечера... наши теж выпадши з Кремля, помочи своим додавали». ¹¹¹

Известие о вылазке имеется также в грамоте Пожарского: «И московские сидельцы вышли из города на вылазку». В актовом материале первых месяцев царствования Михаила Романова сохранилась очень любопытная челобитная казака Ивашки Константинова, подтверждаемая другой челобитной целой казачьей станицы: «В нынешнем, государь, во 121-м году, как приходили под Москву полякские и литовские люди, многие с Отыхеевичем з запасы и как, государь, приступили к острожку и [у] церкви Климонта панов захватили, и мой, государь, братишко ходил под знаменем, Мишка Костянтинов, и в те поры, государь, и с церкви паны ранили тово знаменщика моево братишка родново ис санапала двема пульками в бок, повыше поесницы; и от тое раны посяместо лежал и гнил и умер». ¹¹² Данная челобитная дает нам еще лишние подробности. Оказывается, интервенты не только водрузили на церкви свое знамя, но и укрепились в ней и использовали церковь для стрельбы по русским. Однако вслед за этим русские не только выбили их, но и истребили в огромном количестве. Палицын говорит о «множестве» побитых интервентов. «Новый летописец» сообщает, что

¹⁰⁹ ПСРЛ, т. XIV, стр. 125.

¹¹⁰ РИБ, т. I, стб. 323.

¹¹¹ «Действия Нижегородской губернской ученой архивной комиссии», т. XI, стр. 492.

¹¹² «Первые месяцы царствования Михаила Федоровича», «Чт. ОИДР», 1915, кн. IV, стр. 3 и 24.

¹⁰⁴ РИБ, т. I, стб. 323.

¹⁰⁵ РИБ, т. XIII, стб. 614.

¹⁰⁶ И. Забелин. Указ. соч., стр. 109.

¹⁰⁷ А. Савич и О. Ровинский. Указ. соч., стр. 54.

¹⁰⁸ РИБ, т. XIII, стб. 1217—1218.

одних венгров убили 700 человек.¹¹³ Показание последнего источника очень правдоподобно. Мы знаем, что в боях за острожек участвовал отряд Граевского, который как раз сплошь состоял из королевской пехоты.

Согласно Филаретовой рукописи, в отбитии острожка участвовало и гражданское население. Даже «младенцы и жены и вдовы на приступы к острожку устремилися и солому и сено и хворост с огни приношаху и зажигают».

Захват ордынского острожка русскими оканчивает первую половину генерального сражения 24 августа. Он круто обрывает линию непрерывных успехов Ходкевича. В ходе битвы наступает продолжительный перерыв. Согласно неплохо осведомленному Пясецкому, первая половина боя окончилась в полдень. С этим не расходятся и русские данные.¹¹⁴

Попытаемся теперь восстановить обстановку, сложившуюся в результате первой половины боя. Главные силы интервентов вплотную приблизились к русским; в их руках находились теперь валы и рвы Земляного города, а обоз с запасами стоял в начале Ордынки, у церкви св. Екатерины. Дальше в глубь Замоскворечья интервенты не продвинулись. Захват Климентовского острожка был произведен передовыми частями, оторвавшимися от главных сил гетмана. После победоносного русского контрнаступления здесь не осталось ни одного поляка. В начале дня интервенты сидели также в остроге около церкви св. Георгия в Яндове. Но затем мы уже не имеем о них никаких сведений. Очевидно, они были выбиты русскими вскоре после возвращения Климентовского острожка. Большая часть Замоскворечья продолжала оставаться в руках русских. На западе левый фланг поляков едва касался Крымского двора.¹¹⁵ На востоке, на Лужниках, продолжал, повидимому, стоять Трубецкой. Сообщения между Остоженкой и Замоскворечьем, а также между Замоскворечьем и Швивой горкой находились у русских, и ими можно было пользоваться совершенно беспрепятственно. Авраамий Палицын довольно свободно ходил по Замоскворечью: переправившись у церкви Ильи Обыденского, он посетил острог на Ордынке около церкви св. Климента и прошел к перевозу, расположенному против церкви св. Никиты.¹¹⁶ Таким образом, территория, отнятая поляками у русских, была очень невелика.

Военные силы русских, конечно, должны были пострадать в момент своего отступления, но потери были, повидимому, не очень велики. Есть основания предполагать, что в первую половину дня в битве участвовали не все русские силы. Командование нижегородского ополчения выпустило из рук инициативу и на время утратило способность руководить военными действиями: «стольник и воевода князь Дмитрий Михайлович Пожарский и Козма Минин в недоумении быша».¹¹⁷ Однако это состояние «недоумения», временной пассивности не могло продолжаться сколько-нибудь долгое время. Русские бойцы, отступая от поляков, в большинстве очень быстро оправлялись, занимали новые позиции и готовились к дальнейшему сопротивлению врагу. Мы уже видели, что возвращение Климентовского острожка произошло по инициативе самих казаков. Другие ратники — стрельцы, казаки, ополченцы, перебегая в

глубь Замоскворечья или к берегам Москва-реки, сами, без чьего-либо понуждения, останавливались где только можно было найти подходящее место, ложились на поросшую бурьяном, покрытую обуглившимися обломками жилых строений родную московскую землю лицом к врагу, заряжали ружья, готовили луки и стрелы. «Новый летописец» по своей манере очень сжато и скупо, но достаточно определенно рассказывает об этом: «Пехота легоша по ямам и по кропивам на пути, чтоб не пропустить емана в город».¹¹⁸ «Около берегов Москвы-реки пехота вся абие как прибежала спряталася»,¹¹⁹ — дополняет русского летописца польский историк Пясецкий.

Закрепление русских бойцов на новых позициях, точно так же как и отбитие острожков у церкви св. Климента и св. Георгия, происходило стихийно, по инициативе самих бойцов или младших командиров. Это говорит о том, что воля к борьбе и победе не была сломлена и русский народ действительно собирался «битись до смерти». Однако временная утрата твердого руководства, некоторая несогласованность действий могла привести и к неблагоприятным последствиям. Группы казаков направлялись к перевозам через Москва-реку, стремились к своим таборам. Здесь против церкви св. Никиты образовался даже затор, так как все дезертиры не могли сразу переправиться через реку. Сказалось и недоверие казаков к дворянам. Авраамий Палицын пишет, что после кровопролитной сечи у церкви св. Климента казаки начали волноваться. Они совершили очень трудное дело, понесли большие потери, и им показалось, что дворяне, богатые и сытые, не в равной степени участвовали в битве. «Исполнишася казаки гнева и горести, укоряюща дворян, яко многими именьями богатящихся, себе же нагих и гладных нарицающе»,¹²⁰ — пишет Авраамий Палицын.

Интервенты, развертывая свое наступление, стремились к соединению с осадными сидельцами Кремля и Китай-города. После полудня они были еще очень далеки от цели. Сгрудившись на сравнительно небольшом пространстве в южной половине Замоскворечья, доставив внутрь за вал обоз, они должны были стремиться во что бы то ни стало продолжить свое наступление. Крайняя необходимость пробиться в Кремль ощущается в следующих очень выразительных словах автора польского дневника: «Гетман рад бы был птицей перелететь в крепость». И все же его войско топталось на месте.

Что же являлось причиной остановки гетмана? Будило, самым бессовестным образом извращавший подробности боя, пишет: «Так как ему (Ходкевичу) мешали поделанные русскими частые рвы, ямы и печи, то наши (польские) войска стали отдыхать, приказав купцам равнять рвы».¹²¹ Изложенная здесь причина остановки поляков сомнительна. Главным препятствием для гетмана были, конечно, не ямы и рвы уже захваченного им клочка территории, а русские воины, закрепившиеся на новых позициях и в первую очередь в Климентовском городке на Ордынке. Пясецкий считает причиной остановки необходимость подкрепиться пищей.¹²² Кoberжицкий выражается определеннее: «Утомленное войско остановилось..., чтобы собраться с силами».¹²³ Если прибавить к этому выдвигаемую также Будилой в качестве одной из причин остановки

¹¹³ ПСРЛ, т. XIV, стр. 125.

¹¹⁴ П. Пясецкий. Указ. соч., стр. 51; ПСРЛ, т. XIV, стр. 125; «Действия Нижегородской губернской ученой архивной комиссии», т. XI, стр. 409.

¹¹⁵ ПСРЛ, т. XIV, стр. 126.

¹¹⁶ РИБ, т. XIII, стб. 1220—1221.

¹¹⁷ Там же, стб. 1219.

¹¹⁸ ПСРЛ, т. XIV, стр. 125.

¹¹⁹ П. Пясецкий. Указ. соч., стр. 51.

¹²⁰ РИБ, т. XIII, стб. 1218.

¹²¹ РИБ, т. I, стб. 323.

¹²² П. Пясецкий. Указ. соч., стр. 51.

¹²³ «Сын отечества», 1842, № 3, стр. 12.

необходимость «отдыха» польских бойцов, понесших большие потери, то можно догадываться о степени истощения интервентов.¹²⁴ Потеряв 22 августа около тысячи человек, перебросив 500 солдат в Кремль к пану Струсю и, наконец, утратив в борьбе за Климентовский острожек почти всю венгерскую пехоту, гетман начинал ощущать нехватку людей. Особенно тяжела была потеря большей части пехотинцев, которые лучше всего могли пригодиться для действий внутри Земляного вала. Запорожские казаки, вряд ли более дисциплинированные и стойкие, нежели казаки Трубецкого, не могли явиться надежной опорой. Интервенты выбились из сил, нервничали и не решались ни на какие активные операции.

Между тем русские сделали попытку вырвать инициативу из рук зарвавшегося гетмана. Минин и Пожарский очень недолго «в недоумении быша»: скоро они ориентируются в изменившейся обстановке и, учитывая моральное и материальное состояние противника, вырабатывают план широкого контрнаступления для разгрома интервентов. Мы не обладаем, правда, подробными документальными данными относительно этого плана. Но наличие плана со всей несомненностью вытекает из всего того, что произошло.

Перед контрнаступлением необходимо было осуществить два предварительных мероприятия: 1) произвести спешную и решительную мобилизацию всех военных сил; поставить дело таким образом, чтобы никто или почти никто не уклонился от участия в решительной схватке; 2) перегруппировать свои силы, сосредоточив главную массу бойцов на одном участке, который явился бы отправным пунктом наступления.

Для осуществления первой задачи Пожарский и Минин послали Палицына в Замоскворечье уговаривать волновавшееся казачество. Об этом паломничестве красноречивого келаря подробно рассказывают русские источники и в первую очередь он сам. Одни современники указывают на то, что Палицын поднимал казаков обещанием отдать им всю монастырскую казну; другие говорят о более благородных приемах агитации — воздействии на самолюбие казаков и на их религиозные чувства.¹²⁵ Трудно отрицать вероятность отклика казачества и на призыв к подвигу ради спасения родины. Авраамию удалось даже проникнуть на другой берег Москва-реки, в казацкие таборы, где дезертиров начали собирать колокольным звоном. Значение проповеди нельзя, однако, преувеличивать. Вряд ли все казачество или даже сколько-нибудь значительная часть его в момент боя, на очень широком и чрезвычайно неровном просторстве Замоскворечья, могло даже заметить келаря. Кроме морально-го воздействия, русское командование приняло также вполне естественные и даже необходимые в такой момент репрессивные меры против дезертиров. Уклонявшихся от боя принуждали выходить из их убежищ. Польский дневник дает очень краткое, но важное указание на крупное перемещение военных сил, осуществлявшееся русским командованием. Последнее спешило «конницу в садах на пожарище».¹²⁶ Государевы сады были расположены как раз против Кремля, в Замоскворечье, прилегая к берегу Москва-реки. Пясецкий подтверждает сообщение дневника. Он называет «превысокие» берега Москва-реки местом, где сосредоточилось больше всего русского войска. Хотя он определяет этих людей как пехо-

¹²⁴ РИБ, т. I, стб. 323, 324, 325.

¹²⁵ РИБ, т. XIII, стб. 1219; ПСРЛ, т. XIV, стр. 125; Книги о новоявленных чудесах преп. Сергия, творения Симона Азарина, «Памятники древней письменности и искусства», вып. 70, СПб., 1888, стр. 38.

¹²⁶ РИБ, т. I, стб. 324.

ту, но очевидно, что это были спешившиеся конники. Они стреляли из луков, и в них естественнее всего предположить детей боярских «в саадаках». Спешившиеся кавалеристы могли быть только дворянами, переведенными на территорию государевых садов с левого берега Москва-реки из лагеря нижегородского ополчения. Таким образом, в северной части Замоскворечья сосредоточивались главные силы русских. Дворяне, оставляя лошадей в садах, присоединялись к стрельцам и казакам, которые уже лежали, поджидая врага, за бурьянами и в оврагах. Большая часть русских ратников была преисполнена сознания необходимости во что бы то ни стало одолеть врага. Палицын пишет, что казаки вновь клялись друг другу сражаться, не щадя жизней.¹²⁷ Все понимали, что наступает решительный час.

Сигнал общего контрнаступления был дан непосредственно самим Козьмой Мининым. О его подвиге подробный и обстоятельный рассказ, вероятно, только слегка приспособленный к легенде о чуде, дает «Новый летописец»: «Дню же бывшу близко вечеру... приде бо Кузма Минин ко князю Дмитрею Михайловичу и просяще у него людей. Князь Дмитрей же глаголаша: «емли, ково хочещи». Он же взя рохмистра Хмелевского да три сотни дворянские и перешед за Москву реку и ста против Крымского двора. Тут же стояху у Крымского двора рота литовская конная да пешая, Кузма же с теми сотнями напустиша впрямь на них. Они же не дождавса их, побегоша к таборам Хоткеевым, рота роту смяху».¹²⁸ То, что польская рота бежала в полной панике, даже не пытаясь оказать сопротивление, говорит о совершенно неудовлетворительном моральном состоянии интервентов. Проникнув внутрь Земляного города, «победители» чувствовали себя настолько неуверенными, что один только вид русских, неожиданно появившихся около их левого крыла, вызвал смятение в их рядах.

Одновременно с нападением конных сотен Минина и Хмелевского русская пехота совместно со спешившимися конниками развернутым фронтом быстро начала продвигаться вперед. Сильный попутный ветер как бы помогал их продвижению. Русские и польские источники на редкость согласно характеризуют этот решительный этап битвы. В «Новом летописце» говорится, что пехота, заметив смятение в лагере интервентов, «из ям и из кропив поидоша тиском к таборам».¹²⁹ Выражение «поидоша тиском» ярко подчеркивает дружность наступления. Дневник пана Будилы рисует в сущности то же самое: «Русские... всю силою стали налегать на табор гетмана».¹³⁰ Кобержицкий отмечает, что «русские напали густыми массами».¹³¹ Пясецкий: «Москвичи собрався паки густыми полками на возы их (поляков) напали».¹³² Палицын пишет, что казаки «вси скоро устремящся ко врагом на бой... друг друга понужающе».¹³³

Такой исключительно дружный, напористый и систематический натиск мог явиться и явился, конечно, результатом взаимодействия двух моментов: огромного энтузиазма массы рядовых бойцов, одушевленных высокой любовью к родине и подбадривавших друг друга возгласами и примером, а также ряда энергично проведенных командованием нижегородского ополчения подготовительных мероприятий — мобилизации и перегруппировки боевых сил.

¹²⁷ РИБ, т. XIII, стб. 1220.

¹²⁸ ПСРЛ, т. XIV, стр. 125—126.

¹²⁹ Там же.

¹³⁰ РИБ, т. I, стб. 324.

¹³¹ «Сын отечества», 1842, № 3, стр. 12.

¹³² П. Пясецкий. Указ. соч., стр. 51.

¹³³ РИБ, т. XIII, стб. 1221.

Наступление велось широким фронтом на польский обоз, стоявший в начале Большой Ордынки, а также на рвы и валы Земляного города, защищавшиеся теперь уже не русскими, а поляками. Авраамий Палицын дает исключительно красочное описание битвы около обоза: «Приуспевшим же всем караком к обозу у великомученицы христовы Екатерины, и бысть бой велик зело и преужасен; сурово и жестоко нападающа казаки на войско литовское: ови убо боси, инии же нази, токмо оружие имуще в руках своих и побивающе их немилостивно. И обоз у литовских людей розорвали, и запасы поймали и в остроге литовских людей всех побили». ¹³⁴

Польский дневник отрицает факт захвата русскими обоза с боя. Согласно этому источнику, интервенты в большом порядке отошли за линию русских укреплений и спасли свои обозы. Однако отбитие обоза русскими является фактом, не вызывающим сомнений. Кроме русских источников то же пишет польский историк Кобержицкий и находившийся в Кремле архиепископ Арсений. ¹³⁵

Другие группы русских теснили поляков к Земляному валу, выгоняли из рва, сбивали с возвышенностей укрепления. ¹³⁶

Деморализованные, напуганные интервенты отступали по всему фронту. Некоторые польские историки (Пясецкий и Кобержицкий) резко осуждают командира московского гарнизона пана Струся, не оказавшего в этот критический момент никакой помощи Ходкевичу. Поведение Струся они объясняют завистью к славе литовского великого гетмана. Это мало вероятно. Пассивность гарнизона естественнее объяснить крайне тяжелыми потерями в результате произведенных 22 и 24 августа вылазок.

Русские действовали, обстреливая врагов из пищалей и луков. На Авраамия Палицына, имевшего случай наблюдать атаку казачьей пехоты, очень сильное впечатление произвела ружейная стрельба. Он пишет: «Тогда бо от множества вопля и кричания обою страну не бе слышати и пищального стуку, но токмо огонь и дым восходящ; от дыму же темну облаку нашедшу и покрывшу войско все». ¹³⁷ «И пешие всякие люди,— пишет арзамасец Болтин,— с поляки и с литвою билися вогненным боем не сщадя голов своих». ¹³⁸ Наоборот, Пясецкий, который писал, вероятно, со слов поляка, стоявшего против дворян, отмечает лучший бой. Русское войско, пишет он, «густой стрельной дождь выпускало». ¹³⁹

Разгром интервентов завершила русская конница. О последней кавалерийской атаке рассказывает А. Палицын: «На них же (поляков) пришедшим воеводам со множеством конных, и бысть врагам велика погибель...» ¹⁴⁰ Лаконичнее выражается автор «Нового летописца»: «Конные же все напустиша». ¹⁴¹ Согласно грамоте Пожарского, в этой последней стычке поляки потеряли 500 человек. В руках русских находился польский обоз (400 возов), а также множество пленных, шатры, знамена, литавры. ¹⁴² Поляки были совершенно разбиты. Русские торже-

¹³⁴ РИБ, т. XIII, стб. 1222.

¹³⁵ «Сын отечества», 1842, № 3, стр. 12. А. А. Дмитриевский. Указ. соч., стр. 159.

¹³⁶ «Инии же,— пишет Авраамий Палицын,— пришедшие ко рву и литовских людей изо рву всех выгнаша» (РИБ, т. XIII, стб. 1222).

¹³⁷ Там же.

¹³⁸ «Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции», стр. 356.

¹³⁹ П. Пясецкий. Указ. соч., стр. 51.

¹⁴⁰ РИБ, т. XIII, стб. 1222.

¹⁴¹ ПСРЛ, т. XIV, стр. 126.

¹⁴² ААЭ, т. II, № 213.

ствовали победу. Воеводы принуждены были удерживать бойцов, рвавшихся за пределы города преследовать врага. ¹⁴³ Остатки войска Ходкевича ночевали, не сходя с коней, около Донского монастыря, а на другой день пошли к Можайску и дальше к своей границе «с великим страхованием». «Срама же ради своего прямо в Литву поидоша»,— заканчивает автор «Нового летописца». ¹⁴⁴

Подведем итоги сражению 24 августа. С утра гетман повел наступление всеми своими силами. Благодаря численному перевесу, а также систематичности и решительности натиска ему удалось достичь значительного успеха. Однако закрепить победу он не сумел, а кровопролитная битва за Климентовский острог окончилась победой русских. Интервенты начинали выбиваться из сил. Между тем большинство рядовых русских бойцов переходило на новые позиции и закреплялось на них, а командование нижегородским ополчением проводило ряд мероприятий, долженствовавших обеспечить успех контрнаступления. Внезапное нападение Минина с конными сотнями во фланг обессиленным и нервничавшим врагам внесло смятение в их лагерь. Прекрасно подготовленное контрнаступление русской пехоты, подкрепленное кавалерийскими атаками, обеспечило полный разгром интервентов.

* * *

В предшествующем изложении мы пытались дать максимально полное и правильное описание хода боев. Это оказалось далеко не легкой задачей. Ни одно из более или менее подробных описаний, принадлежащих современникам, нельзя было положить в основу исследования. Каждое из них рассматривало события с сугубо пристрастной точки зрения. Наиболее реалистичский обзор боев, данный польскими историками Пясецким и Кобержицким, отражает господствовавшую, повидимому, в панской Польше точку зрения, сводившуюся к тому, что «колесо фортуны» повернулось не в польскую сторону вследствие ошибок командиров кремлевского гарнизона. Пан Будило, исходивший из необходимости оправдать гарнизон, пошел по пути явно ложного утверждения относительно огромного численного перевеса русских. Русские авторы подчиняют все факты своим религиозно-церковным концепциям. Местами они чрезмерно преувеличивают безнадежность положения русских с тем, чтобы эффектнее показать в нужный момент «божий промысел». Позднейшая научная литература абсолютно не преодолела этих концепций. Историки отбросили только указания на помощь небесных сил, но фактическую канву, подчиненную у писателей XVII в. легендам о чуде, они целиком брали из старой литературы.

Нам пришлось стать на путь полного критического пересмотра источников, с тем чтобы заново восстановить не только отдельные факты, но и основной ход сражения. В результате можно сформулировать следующие выводы.

Бои 22—24 августа 1612 г. представляют собой яркий образец столкновения двух довольно мощных армий, из которых одна (польско-литовская) обладала некоторыми материальными преимуществами, а другая (русская) — решительным моральным перевесом. Численное преобладание поляков сказывалось в начальные моменты боя (особенно 24 августа), когда интервенты рассеивали русских и частично овладевали

¹⁴³ ПСРЛ, т. XIV, стр. 126.

¹⁴⁴ Там же.

полем битвы. В дальнейшем, на территории города, очень неровной, изрезанной и изрытой, этот перевес врага ощущался уже не столь сильно. Сам Ходкевич в боях под Москвой использовал свой многолетний опыт и проявил значительные полководческие способности. После первого неудачного приступа он очень верно выбрал наиболее слабое место русских, а свое наступление 24 августа проводил с большим искусством и энергией. Крупная тактическая ошибка кирхгольмского победителя заключалась в том, что он, стремясь быстрее прорваться в Кремль, горячился, не щадил людей, утратил большую часть пехоты и слишком рано ввел обоз внутрь города. 400 возов еще больше затрудняли действия стеснившихся в южной части Замоскворечья интервентов. Во вторую половину дня 24 августа поляки утратили инициативу, очень быстро поддались панике и не проявили значительной воли к сопротивлению. Вряд ли это объяснялось одними только большими потерями или недостатком предусмотрительности. Сказалась моральная неустойчивость бойцов-интервентов, не проявивших ни должного упорства, ни храбрости.

И 22 и 24 августа русские отдавали полякам поле первой боевой встречи. Кроме количественного перевеса гетманского войска, это объяснялось тем, что интервенты, повидимому, очень искусно умели комбинировать кавалерийские атаки с наступательными действиями пехоты. С другой стороны, быстро и ловко осуществляемое спешивание русских всадников представляло собой весьма уместный прием для борьбы внутри Земляного вала на территории, покрытой развалинами сгоревшего города. Широкое применение казаками, стрельцами и отчасти дворянами «огненного боя» — огнестрельного оружия — вместе с не утратившей еще своего значения стрельбой из луков наносило большой урон врагам, плохо ориентировавшимся среди остатков Ордынки, Чертолья и других мест. Вследствие этого потери интервентов были очень велики. Источники согласно и подчеркнута говорят о «множестве побитых» поляков. Некоторая недостаточная опытность русского командования сказалась, возможно, утром 24 августа в тот момент, когда Минин и Пожарский пришли в «недоумение», не ожидая со стороны руководимых Ходкевичем ливонцев и литовцев такого сильного напора. Однако, суммируя все моменты боя, приходишь к выводу, что русское командование обнаружило блестящие военные дарования и совершенно исключительное мужество. Размещение Пожарским главных своих сил на самой дороге гетмана говорит о неустрашимости и о желании биться до конца, до победы. Подготовка контр наступления 24 августа в чрезвычайно тяжелых условиях, при колебании казаков, была проведена настолько энергично и удачно, а момент первого натиска на врага определен так верно, что организаторов его можно без всякого сомнения считать выдающимися военными деятелями.

Необходимо отметить также, что из-за полной пассивности Трубецкого командирам нижегородского ополчения пришлось взять на себя организацию храбрых, но недисциплинированных казаков. Кроме полководческих способностей, Пожарский лишний раз оправдал свою репутацию очень храброго человека. Он являлся в наиболее опасных местах, бесстрашно сражался, смело «играл смертной игрою». Минин взял лично на себя выполнение ответственной задачи — ударить во фланг интервентам и дать этим сигнал к общему наступлению. Свой подвиг он вписал в славнейшие страницы наших военных летописей.

Одни только замечательные дарования вождей не могли привести к победе. Минин и Пожарский нашли поддержку в боевом настроении и высоком патриотическом подъеме рядовых ратников. Большая часть их

проявила в августе 1612 г. огромное «крепкостоятельство и мужество», стояла «непоколебимо в твердости разума своего», показала «многую службу и дородство». Русский ратник, рядовой представитель великого русского народа, явился основной фигурой, главным героем битвы. Кроме бесстрашного упорства в обороне, русские уже тогда обнаружили способность к дружным, согласованным наступательным действиям. Исключительное бесстрашие русского народа, проявившееся также в оборонительных и наступательных войнах XVIII и XIX вв. и затем с особой силой уже в наше время, — в боях с Ходкевичем, являвшихся одним из основных этапов справедливой войны русского народа против иноземного вторжения, определило разгром «зверообразного» литовского гетмана.